

ЧЕРКАСОВА Татьяна Павловна — доктор экономических наук, профессор; декан факультета политологии Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70; CHERKASOVA-T@RANEP.RU)

АЙРАПЕТЯН Давид Армирович — преподаватель, аспирант кафедры политологии и этнополитики, специалист лаборатории проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70; ayrapetyan-da@ranepa.ru)

БОБРОВНИЧ Александр Александрович — старший преподаватель кафедры политологии и этнополитики, специалист лаборатории проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70; bobrovnich-aa@ranepa.ru)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ПОСТКАПИТАЛИЗМУ

Аннотация. В данном исследовании авторы обращаются к вопросу о трансформации демократии в процессе перехода от капитализма к посткапиталистической системе. Анализу подлежат противоречия современной демократической модели в контексте глобальных изменений. На основе работ К. Крауча, Дж. Монбиота, В. Штрика, П. Турчина и др. выявлены ключевые факторы кризиса либеральной демократии, долгое время служившей эталоном политического устройства в европоцентричной парадигме первой четверти XXI в. Особое внимание авторы уделяют влиянию цифрового способа производства на трансформацию демократических механизмов. Научный коллектив предлагает 5 возможных сценариев эволюции демократической модели в посткапиталистическом обществе: «новый Левиафан» (цифровой тоталитаризм), «неокоммунализм» (локальная демократия), «демократия 2.0» (институциональное обновление), «ликвидная демократия» (система делегирования голосов) и «технократический поворот» (власть алгоритмов и экспертов).

Ключевые слова: демократия, посткапитализм, цифровизация, неолиберализм, политическая трансформация, социальное неравенство, сценарии развития, политические институты

Эпоха глобальных перемен и трансформационных процессов, характеризующая политическую динамику третьего десятилетия XXI в., фундаментальным образом переопределяет традиционные и уже устоявшиеся представления о демократии как форме политического устройства и механизме реализации народовластия. Наблюдаемая диалектика институциональных и структурных изменений демократических систем актуализирует необходимость комплексного теоретического осмысления векторов их эволюции в условиях перехода к посткапиталистической модели общественного развития. Ведь становление и оформление новых форм социально-экономических отношений, основанных на принципах платформенной экономики данных, совместном потреблении, децентрализованных финансовых системах, технологиях распределенного реестра, криптоинновациях, уже сегодня демонстрирует реальные очертания горизонта общества, качественно отличающегося от капиталистического. Эти ключевые изменения в социально-экономической и технологической сферах неизбежно влекут за собой трансформацию политических структур, институтов и механизмов демократического управления, формируя запрос на новые модели принятия решений и гражданского участия, модернизированные или альтернативные, более соответствующие реалиям сетевого посткапиталистического мира.

Научная проблема, актуализирующая исследования посткапиталистической трансформации демократии, обусловлена, на наш взгляд, тремя измерениями. Во-первых, существующий разрыв между политической теорией демократии и новой социально-политической реальностью требует серьезного и комплексного анализа. Сегодня назревает необходимость выявления сущностных характеристик и закономерностей трансформации демократических институтов и политических процессов в контексте формирования новой социально-экономической парадигмы. Во-вторых, мы фиксируем несоответствие между традиционными механизмами демократического представительства, сформировавшимися в эпоху индустриального капитализма, и характером современных политических процессов, детерминированных противоречиями позднего капитализма, цифровизацией, сетевизацией и платформизацией социальных изменений. В-третьих, наблюдается возвращение дискурса о «кризисе» и упадке демократии, «исчерпанности» республиканской эпохи в современной истории¹.

Однако несмотря на то, что некоторые представители политической науки провозглашают скорую эру некоего неомонархизма, неоимпериализма или отката к новым формам авторитарного управления и считают признаком хорошего тона высмеивать идеи демократии, современная политическая практика демонстрирует устойчивый запрос на представительство и расширение форм политического участия, хотя и в новых, соответствующих текущим социально-экономическим реалиям форматах. Более того, сама логика развития постиндустриального общества с его технологическим акцентом на креативность, инновационность и индивидуальную свободу, причудливо синтезирующаяся с некоторыми идеями о цифровом социализме и коллективном потреблении, требует именно демократических механизмов организации социально-политического пространства, способных обеспечить гибкость и адаптивность политической системы к стремительно меняющимся условиям общественного развития.

Однако демократия трансформируется с учетом процессов цифровизации, и это требует серьезного научного осмысления, поскольку изменение демократических институтов и практик в условиях перехода к посткапиталистической модели общественного развития создает принципиально новую конфигурацию политических процессов. Модель рыночной либеральной демократии утрачивает свою актуальность. И новая политическая конфигурация может контрастировать с тем, что мы привыкли понимать под демократией. В этой связи ключевой исследовательской задачей становится анализ критики демократии, направленности и содержания происходящих изменений, выявление основных трендов эволюции демократии и определение потенциальных траекторий ее дальнейшего развития в посткапитализме.

Зафиксированное в рамках масштабного социологического исследования *Edelman Trust Barometer Global Report*² за 2024 г. глобальное падение доверия к традиционным институтам власти — это не просто констатация политического факта. Эта тенденция свидетельствует о глубинных симптомах политических трансформаций, происходящих в отношениях между властью и обществом на пороге новой стадии развития человечества. И эта тенденция син-

¹ Дугин А.Г. Либеральный момент — от «конца истории» до Трампа. — *Изборский клуб*. Доступ: <https://izborsk-club.ru/26354> (проверено 11.03.2025).

² *Edelman Trust Barometer Global Report 2024*. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2024-02/2024%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_FINAL.pdf (accessed 11.03.2025).

хронна фундаментальным противоречиям позднекапиталистической эпохи. Либеральная демократия, которая долгое время служила эталоном политического устройства в европоцентричной парадигме первой четверти XXI в., переживает сегодня очевидный кризис [Янченко 2023: 164]. Современные государства все чаще сталкиваются с вызовами, подрывающими основы этой модели, культивируемой еще проектами эпохи Просвещения. Рост популистских настроений, идеологическая поляризация общества, распространение дезинформации — все это ведет к эрозии доверия к традиционным демократическим институтам и формам представительства. Усугубляет ситуацию растущее социальное неравенство, политика принудительной толерантности и воукизм, воспринимаемый многими как привилегия меньшинств. В результате создается благоприятная среда для усиления авторитарных практик и реакционных тенденций, ставящих под сомнение будущее либеральной демократии и демократии в принципе.

К тому же ни для кого не секрет, что левый дискурс в либеральной политике, наблюдавшийся на Западе (как локомотивной локации глобализованного мира), после глобального финансового кризиса 2008–2013 гг. постепенно теряет поддержку под влиянием аксиологической неадекватности и политической иррациональности принимаемых решений во многих сферах — от ценностных установок гражданского воспитания и инклюзивности до вопросов миграции, мультикультурализма и геополитики (что, например, выражается в избыточном акценте на гендерных и сексуальных аспектах социализации; дехристианизации Европы; неспособности европейских держав самостоятельно отстаивать свой суверенитет). Современные левые дезинтегрированы и не обладают видением того, как эффективно преодолеть противоречия глобального капитализма, как дистанцироваться от неолиберальных императивов, какую альтернативную модель предложить обществу, чтобы вдохновить последнее к политической мобилизации, а себя — к качественным реформам [Айрапетян, Рябова, Айрапетян 2024: 182]. Выражаясь комплексно, отметим, что левые испытывают идеологическую ригидность. При этом мы наблюдаем, как государства, которые не вписываются в четкие категории демократии или авторитаризма, представляя собой гибридные политические режимы, умело сочетают элементы обоих феноменов и приобретают геополитический и экономический вес, предлагая альтернативные модели управления и бросая вызов либеральной демократии.

Собственно, возникает ключевой вопрос, почему концепция «конца истории», когда-то заявленная политологом Ф. Фукуямой, постулирующая необратимость торжества либеральной демократии и свободного от политики и государства рынка (то есть, демократического капитализма), оказалась несостоятельной в условиях, априори благоприятных для ее реализации?

Если попытаться дать краткий ответ на данный вопрос, мы придем к простой констатации, что бенефициарами глобализации не был учтен комплексный характер глобальных процессов, игнорировался реваншистский потенциал и вероятность усиления нелиберальных или антилиберальных идеологий. Однако в русле нашего исследования для основательного ответа необходимо обратиться к нескольким ключевым работам, анализирующим причинность кризиса демократии относительно дисфункциональности неолиберальной модели позднего капитализма.

Английский политолог К. Крауч, являющийся одним из ведущих теоретиков в данной области исследований, говорит об «эрозии» демократических институтов капитализма при сохранении их внешней формы. Эта эрозия

сопровождается «дальнейшим отходом пресыщенного и разочарованного общества от максимальной демократии» [Крауч 2010: 38] из-за того, что реальные рычаги власти и влияния оказались в руках узких элитных групп, отводящих гражданам пассивную роль политических статистов. По сути, политолог говорит о постепенном возвращении к элитаризму (недемократическому либерализму), конструирующему постдемократическую реальность, в которой устойчивая форма изречения *Vox populi – vox Dei* теряет свой смысл.

Кризис современной демократии ученый не сводит к конкретному фактору. По мнению К. Крауча, ключевыми причинами падения демократии как таковой являются глобализация и упадок национального государства (то есть, «отмирание» полиархии), корпоративизм неолиберального капитализма, трансформация медиаландшафта и умелая манипуляция общественным мнением, а также деградация традиционных партийных систем, которые все меньше способны представлять интересы новых социальных групп, создавая вакуум, постепенно заполняющийся популистами, эксплуатирующими эмоции и недовольство граждан. К. Крауч фиксирует, что преобладающее число современных людей не ощущают себя представителями глобального общества, они привязаны к своему государству, вынуждены платить налоги и соблюдать законы, но не обладают при этом всей полнотой декларируемых в конституциях политических прав. Особенно это касается среднего класса, численность которого в развитых демократических странах стремительно сокращается не только из-за политики жесткой экономии, но и ввиду попыток компаний постоянно ограничивать права трудящихся и создавать нестабильные формы занятости, что способствует прекариатизации [Крауч 2020: 50].

Усугубляет ситуацию и описанная в новом исследовании Дж. Монбиота и П. Хатчинсона экспансия неолиберальной идеологии, последовательно подменяющая общественные блага частными интересами, а политику — рыночными отношениями, в результате чего происходит деполитизация общественной сферы, в ходе которой граждане все больше воспринимаются как потребители стагнирующего рынка, а не как участники политической жизни [Monbiot, Hutchinson 2024]. Меняется само понятие политического процесса, в ходе которого возможность изменять жизнь через выборы уменьшается. А потребление, которое подразумевает «демократию через кошелек», есть замена демократии плутократией.

Добавим, что идеологический натиск неолиберализма с его культурными ответвлениями активно мимикрирует сегодня под левый политический фронт. Продвигая идеи индивидуализма, конкуренции и личного успеха, неолиберальная парадигма успешно резонирует с некоторыми левыми ценностями свободы личности и права на самовыражение, тем самым происходит процесс «дробления» самой левой идеологии. Неолиберализм при этом старается формировать идентитарную политику, смещая фокус с классовой борьбы на борьбу за права отдельных социальных меньшинств, подменяя политико-экономическое содержание неравенства на социокультурное и этическое. Эта тактика отвлекает общественность от органических проблем, порождаемых неолиберальным капитализмом. Однако нельзя забывать, что игра в кооптацию левой риторики, наблюдаемая в склонности неолибералов использовать политический язык, зачастую относящийся к прогрессистам (преимущественно к представителям «культурного марксизма»), лишена изначального смысла равенства, справедливости и инклюзивности. Она служит умелой политтехнологией легитимации существующих порядков.

Сложно не согласиться, что в современную эпоху главная цель политических программ и концептов — это «кликабельность» социальных медиа, в которых они публикуются, и мейнстримная популярность, а не практическая обоснованность и доказанность предлагаемых мер. Неолиберализм сконструировал настолько сложные политические системы, что пересечение политических параллелей «свобод» и «несвобод» является вполне привычным феноменом, а перетекание свободного «нечто» в несвободное — периодической нормальностью. Это заставляет забывать о реальной политической конкуренции, прозрачности управления и действенном представительстве интересов.

Слепая вера в рынки и неолиберальный капитализм привела к тому, что политолог Д. Рансимен назвал «ловушкой уверенности» [Рансимен 2019: 337]. Политики, регуляторы и сами участники рынка игнорировали системные риски, считая, что капиталистический рынок способен самостоятельно преодолеть экономические трудности, не учитывая при этом влияние неэкономических факторов. В погоне за ростом ВВП и экономической эффективностью неолиберальные правительства активно игнорировали такие важные аспекты, как социальное неравенство, экологические проблемы и этические вопросы, что привело к ситуации, в которой экономический рост перестал конвертироваться в благосостояние большинства, а социальная напряженность достигла своего пика. Это и подрывает сегодня доверие к демократическим институтам, продвигающим идею дерегуляции, и последние десятилетия пролонгирует перманентный экономический кризис капиталистического общества.

Так, в Индексе приверженности сокращению неравенства (*The Commitment to Reducing Inequality Index*)¹, опубликованном в октябре 2024 г. организацией по борьбе с бедностью *Oxfam* и группой *Development Finance International (DFI)*, отмечается, что МВФ и Всемирный банк как два столпа капиталистической системы за последние 2 года сыграли особенно активную роль в сокращении социальных расходов и росте неравенства. С 2022 г. 94% стран, в которых действуют программы Всемирного банка, и 95% стран, получающих кредиты МВФ, сократили бюджеты в области социальной политики, усиливая меры жесткой экономии. В целом, прогнозируется дальнейшее увеличение неравенства между богатыми и бедными до рекордных исторических показателей.

Обострение проблемы неравенства, вероятно, является одним из ключевых факторов кризиса демократии в целом. Группа отечественных ученых из УроРАН описывает процесс вырождения капитализма в социально-экономическую модель, где основным источником богатства и власти является не массовое производство товаров и услуг и стабильная занятость (которые, собственно, подпитывали ранее успешный синтез демократии и рынка), а политический контроль над ограниченными ресурсами и потоками ренты [Фишман, Мартыанов, Давыдов 2019]. Это имеет самое прямое отношение к кризису демократии в силу того, что рентная, или позиционная экономика создает благоприятную почву для корпоративизма и концентрации власти и ресурсов в руках немногочисленной группы элит, извлекающей ренту из природных ископаемых, интеллектуальной собственности или финансового капитала, не создавая при этом никакой ценности для общества. В таких условиях здоровая политическая и рыночная конкуренция заменяется лоббизмом и коррупцией в процессе захвата государственных институтов, а

¹ The Commitment to Reducing Inequality Index 2024. URL: <https://reliefweb.int/report/world/commitment-reducing-inequality-index-2024> (accessed 12.03.2025).

политические решения принимаются в интересах узких групп влияния, превращая выборы в борьбу административных ресурсов и черного пиара. Все это способствует росту социальной напряженности, апатии и политическому отчуждению граждан, а также усилению популизма и радикализма.

Как отмечает В. Штрик, «дни привычной нам демократии сочтены — ее ждет стерилизация... процесс отделения демократии от капитализма путем отделения экономики от демократии» [Штрик 2019: 28]. Неолиберальная элитаризация политических систем разводит современный политический процесс с эгалитарным вектором равенства и справедливости, что свидетельствует о постепенной утере прежних представлений о безусловной демократии в привычном нам понимании в эпоху постиндустриализма. В этой связи П. Турчин постулирует тезис о «перепроизводстве элиты» [Турчин 2024: 19], которое разрушает государство, способствуя социальной неустойчивости и падению доверия к демократическим институтам, что и фиксируют проводимые социологами опросы.

Таким образом, падение доверия к традиционным демократическим институтам, деградация левых «авангардистских» и «прогрессистских» сил, элитаризм, деполитизация общественной сферы, рост неравенства и разочарование граждан в возможностях политического участия есть факторы кризиса современной демократической модели в условиях терминальной стадии капиталистической системы.

Стоит отметить, что исторические вызовы, вставшие перед демократией, лишь в очередной раз подчеркивают ее природу — состояние постоянного политического кризиса, лишение стабильности. Демократия и есть кризис в силу внутренней неоднородности, сложности институционального дизайна и межакторного взаимодействия, порождающих перманентную неустойчивость.

Однако критика демократии со стороны апологетов авторитаризма не является политической, она скорее философская. Аргументы в пользу единоначалия власти, истинности, преемственности, стабильности и эффективности берут свое начало в вопросах философии, религии или науки, но не политики. Они опираются на абстрактные идеалы, а не на конкретные политические программы или процессы. Переноса эти абстрактные концепции в плоскость реальной политики, апологеты авторитаризма неизбежно сталкиваются с необходимостью конкретного обоснования, зачастую античеловечных и антигуманных механизмов реализации своих убеждений — фашизм и нацизм являются наглядными примерами этого.

Демократия же ничего и никому не доказывает. Она не ищет истины. Демократия лишь предоставляет платформу для конкуренции идей и борьбы за власть с минимальными рисками применения насилия в политическом процессе. И в этом ее главный плюс и минус одновременно. Используя институты и механизмы демократической борьбы, можно легко уничтожить саму демократию.

Но сегодня демократия столкнулась, вероятно, с самыми важными вызовами для себя — этическим и информационным. В первом случае речь идет о проблематизации идеи свободы. Все чаще демократию начинают рассматривать в отрыве от индивидуальной свободы, ставя коллективное выше частного. Феноменология подобного наблюдается как в подъеме коллективистских идеологий, усиливающих контроль государства над частной жизнью граждан, пропагандирующих конформизм и крайне консервативные ценности, так и в росте популистской риторики, апеллирующей к «воле народа»,

противопоставляя народную волю интересам элит или «внешних врагов». В этой парадигме индивидуальные права могут легко игнорироваться во имя достижения «общего блага», определяемого, как правило, самими популистами. Но демократия не отрицается как феномен, никто не рискует напрямую институционализировать авторитаризм в силу роста образованности населения современных стран, а также прагматизма самих элит, понимающих контрпродуктивность подобных действий. Открытые диктатуры не смогут выжить в посткапиталистическом мире по целому ряду причин.

Второй вызов напрямую связан с первым. Цифровые технологии создают иную социальную реальность, где информационная закрытость автократий способна использовать информационную открытость демократий. Это ведет к неравномерности в расстановке медийных ресурсов — одних из важнейших в эпоху цифро-сетевых технологий. Формируется дилемма физической и виртуальной свободы. Именно это заставляет в последнее время демократические правительства заниматься цензурованием контента и оказанием давления на цифровые платформы (как в случае кейса Франции с Павлом Дуровым и мессенджером *Telegram* или блокирования ряда российских новостных каналов в Евросоюзе в конце 2024 г.).

Возможно, демократия переживает трансформацию не только политическую, но и философскую. Ренессанс авторитаризма, вероятно, представляется альтернативным направлением развития несовершенных демократий, в рамках которого следует отойти от прогресса социального в пользу прогресса технологического, но с опорой на политическую архаику и урезание гражданских свобод взамен на стабильность. В этом случае отчуждается не прошлое, а будущее. И в этой парадигме понимание посткапитализма и роли человека в нем утрачивает свое гуманистическое содержание.

Однако вопрос, куда дрейфуют демократические режимы, воспринимаемые нами ранее как «совершенные», остается открытым.

Несмотря на то что неолиберальный капитализм привел к сужению демократических возможностей современных обществ и косвенно стимулировал развитие автократий, считать это абсолютным упадком демократии было бы преждевременным. Демократия как система, обладающая внутренним потенциалом самокоррекции и адаптации, на наш взгляд, все же способна преодолеть современные вызовы. Ключ к этому — правильный подход к освоению цифрового способа производства. При взвешенном и грамотном применении цифровые технологии способны не только вывести нас из кризиса, но и способствовать переосмыслению самих принципов справедливого распределения благ и вовлечения граждан в процессы принятия решений.

Формирование цифрового способа производства — неотъемлемая характеристика посткапитализма. Информация и данные уже сейчас превратились в ключевой ресурс экономики и двигатель социальной жизни. В этих условиях перед демократическими системами возникает двойная задача: с одной стороны, научиться эффективно управлять технологическими инновациями, а с другой — адаптировать их для политической коррекции сложившегося кризиса.

Что же представляет из себя цифровой способ производства? По совокупности ключевых характеристик он заключается в следующих аспектах формирования нейросетевой экономической модели [Хоменко 2024: 279]:

- 1) цифровые данные и оцифрованная интеллектуальная собственность выходят на первый план;
- 2) автоматизация и внедрение промышленных роботов во все сферы производства и жизнедеятельности провозглашают имплементацию «умных»

технологий везде и всюду; роботы, ИИ, нейросети и машинное обучение – базовые элементы будущей посткапиталистической системы;

3) платформизация и сетевизация определяют новые формы взаимодействия; глобальные цифровые платформы объединяют миллионы людей по всему миру, формируя новые модели потребления, коммуникации и политического участия, основанные на «сетевых эффектах» [Срничек 2021: 43].

Для демократии цифровые инновации – очередной технологический вызов. С одной стороны, они расширяют возможности политического участия, взаимодействия граждан и власти, доступа к информации и плюрализма мнений. Но, с другой стороны, цифровизация несет с собой риски манипулирования общественным мнением, нейропсихологического воздействия на население, нарушение приватности, распространение дезинформации, ускоренное формирование языка вражды.

В таблице 1 подробно представим основные риски, возможности и перспективы, которые цифровой способ производства несет в себе для демократии.

Таблица 1

Риски и возможности демократии в процессе цифровизации

Возможности	Риски	Перспективы
Развитие прямой демократии через механизмы электронных референдумов, онлайн-голосования, краудсорсинговые платформы для инициатив и разработки политических решений	Алгоритмы социальных сетей, боты, фейковые новости, таргетированная реклама создают благоприятную среду для манипулирования общественным мнением, распространения пропаганды и дезинформации, поляризации общества	Цифровая грамотность: обучение граждан критическому мышлению в цифровой среде для распознавания манипуляций и ответственного использования технологий
Интернет и цифровые технологии создают беспрецедентные возможности для доступа к информации и знаниям, способствуют развитию онлайн-образования, повышают уровень информированности и гражданской активности, увеличивают степень прозрачности деятельности органов власти	Неравномерный доступ к цифровым технологиям и информации, цифровая неграмотность могут усилить социальное и политическое неравенство, создать новую форму «цифрового разрыва»	Цифровая инклюзивность: борьба с «цифровым разрывом» через обеспечение равного доступа к технологиям и информации для всех
Цифровизация способствует формированию новых форм социальной организации, объединению людей по интересам, созданию онлайн-сообществ и движений, которые могут оказывать реальное влияние на политику	Технологии распознавания лиц, анализ больших данных, слежка в Интернете могут быть использованы для усиления государственного контроля над гражданами, ущемления прав и свобод, формирования «цифрового тоталитаризма»	Ответственное регулирование: разработка механизмов для защиты данных, борьбы с дезинформацией, предотвращения монополий и обеспечения прозрачности алгоритмов

Отметим, что цифровой способ производства сам по себе не является самодостаточной силой, которая автоматически ведет к упадку или новой фазе расцвета демократии. Его влияние, безусловно, является структурным и хорошо объясняется через призму концепции детерриториализации. Применяя концепт Ж. Делеза и Ф. Гваттари [Делез, Гваттари 2010] относительно политической машины демократии, можно заметить, что цифровые технологии и новые формы социальной организации оказывают существенное влияние на традиционные институты, способствуя их постоянной детерриториализации. Это означает, что институты постепенно утрачивают свою зависимость от физического пространства и устоявшихся форм деятельности. Однако параллельно с этим процессом происходит и обратное явление — ретерриториализация в виртуальном пространстве. В результате формируются новые институциональные формы и механизмы политического взаимодействия, адаптированные к цифровой среде. Политическая машина разрастается через алгоритмы, платформы, базы данных, онлайн-сообщества, активистские сети. Их разнонаправленное взаимодействие генерирует новые формы власти, контроля, сопротивления, отличающиеся от классической демократической модели.

Будущее демократии в цифровую эпоху зависит от того, насколько эффективно общество сможет использовать технологии посткапиталистической экономики для преодоления того, что институционалист Д. Норт называл «эффектом колеи» [Норт 2010: 15]. Будут ли цифровые технологии шансом или угрозой, зависит от сознательности общества и выбранных им путей развития.

Цифровая трансформация является лишь одним из элементов наступающей эпохи посткапитализма. Старые модели производства и распределения благ, социальных и экономических взаимоотношений, политических взаимодействий уступают место новым, еще не до конца оформившимся. В этих условиях возникает вопрос: какие траектории развития ждут демократию? Сможет ли она адаптироваться к посткапиталистической реальности, или ей на смену придут совершенно иные виды политической организации?

Однозначного ответа на этот вопрос не существует, в настоящей точке отсчета мы объективно не можем спрогнозировать конкретный сценарий ее развития и способности сохранить свою форму в условиях глобальной турбулентности. Будущее демократии остается открытым, однако сейчас мы имеем возможность предложить несколько потенциальных сценариев.

Сценарий первый — «новый Левиафан: гиперконтроль и цифровой тоталитаризм». Наиболее пессимистический, но не отрицаемый нами вариант развития трансформации политических процессов заключается в усилении роли государства, которое с помощью цифровых технологий устанавливает тотальный контроль над всеми сферами жизни общества. Формируется новый тип «цифрового феодализма», в котором немногие избранные будут владеть информацией и технологиями, а остальные превратятся в объект контроля и манипуляций. Происходит подавление инакомыслия, ограничение прав и свобод во имя безопасности и порядка. Использование алгоритмов и искусственного интеллекта для манипулирования сознанием, пропаганды и цензуры является институциональной нормой.

В рамках этого сценария демократия оказывается полностью уничтоженной, а на ее месте возникает тоталитарное государство, контролирующее каждый шаг своих граждан.

Сценарий второй — «неокоммунизм: политический возврат к локальному

и солидарности». Данный сценарий обусловлен разочарованием в неолиберальном глобализме и капиталистических противоречиях, к которым он привел. Технократия и крупные политические структуры также оказываются неспособными решить проблемы посткапиталистического общества. Вместо глобальных проектов политико-технологических трансформаций акцентуация происходит в пользу солидаризма местных сообществ, развития самоуправления, городского и поселенческого сотрудничества. В целях решения экологических проблем подразумевается сокращение потребления, переход к действительно устойчивому образу жизни и чистому производству. Необходимым видится формирование новой системы ценностей, основанной на паритете индивидуальной свободы и коллективизма, взаимопомощи, гармонии с окружающей средой.

В рамках этого сценария демократия приобретает форму прямого участия на локальном уровне, где люди совместно принимают решения о своей жизни и развитии своих сообществ. Однако открытым остается вопрос о том, как обеспечить согласованность действий множества разрозненных сообществ при решении глобальных проблем.

Сценарий третий — «демократия 2.0: адаптация и структурно-институциональное обновление». Этот сценарий предполагает успешное преодоление демократическими системами вызовов посткапиталистической реконфигурации. Ключевыми элементами трансформации демократии будут выступать расширение прямого участия граждан с активным использованием цифровых технологий, децентрализация власти, основанная на горизонтальной организации и блокчейне, развитие самоуправления в городских пространствах и регионализм с увеличенной автономностью местных сообществ. В целях преодоления неолиберального элитаризма неизбежен, по нашему мнению, переход от представительной демократии к «делиберативной демократии», что означает акцент на институционализации публичных дискуссий и достижении консенсуса между гражданами, а не просто голосование за представителей отдельных социальных групп. Помимо этого, важнейшим механизмом обеспечения открытости и справедливости политического процесса станет создание систем контроля над ИИ и алгоритмическим управлением в целях подконтрольности их работы общественным, а не частным и корпоративным интересам.

В рамках этого сценария демократия сохраняет свою суть системы, основанной на народном суверенитете и правах человека, но приобретает новые формы и инструменты, адекватные посткапиталистической реальности.

Сценарий четвертый — «ликвидная демократия». Усложнение цифровых платформ и увеличение их функционала позволяет в перспективе говорить о возможном сценарии гибкой передачи голосов в политическом процессе. В этой модели граждане получают возможность голосовать лично по каждому вопросу, как и в прямой демократии, но также могут делегировать свой голос по конкретным темам другим гражданам или экспертам: например, врачу по вопросам здравоохранения или ученому по вопросам экологии. При этом граждане сохраняют за собой право менять делегатов в любой момент и возвращать свой голос. Такая система может стать более гибкой и адаптивной, позволяя оперативно реагировать на новые вызовы, а также повысить экспертность принимаемых решений. Однако для ее успешной реализации необходимо решить ряд сложных технических, политических и социальных проблем.

Сценарий пятый — «технократический поворот: власть алгоритмов и экспертов». Этот сценарий характеризуется смещением центра тяжести в принятии

решений от политиков к технократической элите, ученым, специалистам в области анализа и обработки данных. Обоснование такого перехода строится на таких аргументах, что сложность посткапиталистического мира требует профессионального управления, основанного на научных знаниях и анализе информации, традиционные политические институты и процедуры слишком медленны и неэффективны для решения новых вызовов, алгоритмы и ИИ способны принимать более взвешенные и объективные решения, чем люди.

В рамках этого сценария демократия может быть сохранена в виде формальных институтов, но ее реальное содержание окажется сильно ограниченным. Возникает риск формирования «элитарной технократии», которая будет принимать решения без учета мнений и интересов широких слоев населения.

Таким образом, траектория развития демократии в посткапитализме зависит от множества факторов: от того, какие технологические, экономические, социальные и культурные тренды окажутся доминирующими; от того, насколько активным и сознательным будет само общество в защите демократических ценностей и институтов; от того, какие уроки будут извлечены из ошибок и достижений прошлого.

В заключение можно сказать, что демократия находится на перепутье. Кризис либеральной модели, вызовы авторитаризма и стремительное развитие цифровых технологий ставят под вопрос ее будущее. Однако, как показывает история, демократия обладает удивительной способностью к адаптации и самообновлению. Ее судьба в эпоху посткапитализма будет зависеть от способности общества использовать новые технологии для решения социальных проблем, обеспечения справедливого распределения благ и расширения политического участия граждан.

Список литературы

Айрапетян Д.А., Рябова М.С., Айрапетян А.А. 2024. Идеологический голод в эпоху глобальной бифуркации: политические ориентиры и перспективы развития «новой реальности». — *SOCIAL SCIENCE*: сборник трудов VI Международной научно-практической конференции. С. 177-190.

Делез Ж., Гваттари Ф. 2010. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория. 895 с.

Крауч К. 2010. *Постдемократия*. М.: ИД ВШЭ. 192 с.

Крауч К. 2020. *Победит ли гик-экономика?* М.: ИД ВШЭ. 144 с.

Норт Д. 2010. *Понимание процесса экономических изменений*. М.: ИД ВШЭ. 256 с.

Рансимен Д. 2019. *Ловушка уверенности. История кризиса демократии от Первой мировой войны до наших дней*. М.: ИД ВШЭ. 400 с.

Срничек Н. 2021. *Капитализм платформ*. М.: ИД ВШЭ. 128 с.

Турчин П. 2024. *Конец времен. Элиты, контрэлиты и путь политического распада*. М.: АСТ. 432 с.

Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. 2019. *Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии*. М.: ИД ВШЭ. 409 с.

Хоменко Е.Б. 2024. Цифровая трансформация промышленности как условие неоиндустриализации. — *Вестник Удмуртского университета*. Сер. Экономика и право. Т. 34. № 2. С. 278-283.

Штрик В. 2019. *Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма*. М.: ИД ВШЭ. 280 с.

Янченков Ю.Г. 2023. Кризис современной демократии: целостный и процедурный аспект. — *Государственная служба и кадры*. № 4. С. 164-166.

Monbiot G., Hutchinson P. 2024. *The Invisible Doctrine: The Secret History of Neoliberalism (& How It Came to Control Your Life)*. London: Allen Lane. 224 p.

CHERKASOVA Tat'jana Pavlovna, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Dean of the Faculty of Political Science, South Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (70 Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344002; cherkasova-t@ranepa.ru)

AJRAPETJAN David Armikovich, Lecturer, post-graduate student of the Chair of Political Science and Ethnopolitics, Specialist of the Laboratory of Problems of Improving the Efficiency of State and Municipal Management, South Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (70 Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344002; ayrapetyan-da@ranepa.ru)

BOBROVNICH Aleksandr Aleksandrovich, Senior Lecturer at the Chair of Political Science and Ethnopolitics, Specialist at the Laboratory of Problems of Improving the Efficiency of Public and Municipal Administration, South Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (70 Pushkinskaya St, Rostov-on-Don, Russia, 344002; bobrovnich-aa@ranepa.ru)

TRANSFORMATION OF THE DEMOCRATIC MODEL IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION TO POST-CAPITALISM

Abstract. The study examines the transformation of democratic models during the transition from capitalism to post-capitalist systems. The authors conduct a critical analysis of fundamental contradictions in contemporary democracy amid global socio-economic and technological shifts. Drawing on the theoretical frameworks of Colin Crouch, George Monbiot, Wolfgang Streeck, and Peter Turchin, the research identifies key factors driving the crisis of liberal democracy, which was the dominant political paradigm of the early 21st century Eurocentric world. These factors include the increasing elitization of political systems, societal depoliticization, rising inequality, and declining public trust in democratic institutions. The authors investigate how the emergence of digital modes of production reconfigures democratic mechanisms and governance structures. Based on this analysis, they propose 5 potential evolutionary scenarios for democracy in post-capitalist society: «New Leviathan» (a form of digital totalitarianism), «Neo-communalism» (localized democratic governance), «Democracy 2.0» (institutional renewal and reformation), «Liquid Democracy» (flexible vote delegation systems), and «Technocratic Turn» (governance increasingly determined by algorithms and expert systems). This research contributes to ongoing scholarly debates about democracy's viability and potential transformations in an era of profound technological and economic change.

Keywords: democracy, post-capitalism, digitalization, neoliberalism, political transformation, social inequality, development scenarios, political institutions
